

В пять часов вечера новички, разошедшиеся после обеда на отдых, понемногу потянулись обратно в расположение. Из динамиков громкоговорителя раздалось объявление: всех просили срочно собраться в зале заседаний.

Сун Чжиши направился туда вместе с Пэн Сутао и Чжоу Хэпином. В прошлой жизни он прослужил в ансамбле песни и пляски целых три года, поэтому знал здесь каждый закуток. Неудивительно, что их троица пришла первой. Чжиши сразу облюбовал место в самом глухом углу.

— А мы отсюда хоть что-нибудь услышим? — нерешительно спросил Чжоу Хэпин.

Чжиши покосился на него:

— Слушать там особо нечего. Если не натворишь глупостей, никто тебя не выгонит.

В Шанъяне стояла удушливая жара, а в зале не нашлось ни единого вентилятора. У открытого окна можно было поймать хотя бы слабую струю воздуха, расслабиться и, если повезет, незаметно вздремнуть.

Глядя на то, как уверенно и по-хозяйски держится Чжиши, Пэн Сутао и Чжоу Хэпин заметно приободрились. Про себя они решили, что впредь нужно держаться этого соседа по комнате — парень явно знал толк в местных порядках.

Сам же Сун Чжиши даже не подозревал, что успел стать неформальным вожаком их маленькой компании.

Постепенно зал заполнился до отказа. Чжиши огляделся: народу набралось прилично, человек пятьдесят-шестьдесят. Собрать и удерживать столь крупный коллектив в таком захолустном и бедном краю — для этого требовался недюжинный организаторский талант, так что директора Ли Фэнчуня определенно стоило уважать.

Когда все были в сборе, собрание объявили открытым. Ли Фэнчунь первым делом поприветствовал новоприбывших артистов, после чего монотонно зачитал длинный свод внутренних правил и устав ансамбля. Затем слово поочередно взяли трое капитанов... Все шло в точности так же, как и в прошлой жизни, и Чжиши то и дело проваливался в дремоту.

— Поскольку в этом году набор задержался, на шефский концерт к Дню армии мы уже не успеваем, — вещал директор. — Мы связались с командованием части в уезде Фуци и перенесли выступление на десятый день седьмого лунного месяца, как раз на Лицю — начало осени. Ближайшие две недели увольнительных не будет. Тренируйтесь не щадя сил. А когда концерт отгремит, я выпишу всем три дня отдыха.

Три дня! По тем временам — неслыханная роскошь, настоящий мини-отпуск.

Зал взорвался восторженными криками:

— Спасибо, директор!

Ли Фэнчунь с теплой улыбкой махнул рукой:

— Собрание окончено. Расходимся.

Артисты расходились, оживленно обсуждая грядущие выходные; даже предстоящее ответственное выступление перед военными теперь никого не пугало. Дождавшись, пока кабинет опустеет, Сун Чжиши подошел к капитану Чжу Фанцзе.

— Капитан, можно попросить вас кое о чем? Скажите, после выступления я могу взять еще пару дней в дополнение к общим?

— Зачем тебе? — удивилась Чжу Фанцзе. — Трех дней мало?

— Хочу съездить проведать родных. Дорога неблизкая.

Чжиши прекрасно понимал, что просить об отгуле в первый же день службы — дурной тон. Но мысль о встрече со второй сестрой, Сун Чжиин, с которой они не виделись несколько десятилетий, не давала ему покоя. Ему нетерпелось обнять ее и лично поделиться радостной вестью о зачислении в ансамбль. В эту суровую эпоху, когда не существовало привычных двухдневных выходных и длинных праздников, выкроить время на поездку было почти невозможно. Нынешний шанс казался поистине золотым.

Чжу Фанцзе с пониманием кивнула:

— И сколько дней тебе нужно?

Чжиши нерешительно прикусил губу:

— Хотя бы пять дней в общей сложности.

Капитан на секунду задумалась, взвешивая решение:

— Ладно. Но учти: за лишние два дня мы удержим плату из твоего оклада. Согласен?

— Конечно! Спасибо вам огромное, капитан! — горячо поблагодарил Чжиши.

— Ты у нас новенький, — негромко добавила Чжу Фанцзе. — По правилам тебе такой долгий отпуск не положен. Если другие прознают — начнется неразбериха, каждый захочет уехать. Но раз дело касается семьи, препятствовать не стану. Объявлю всем, что ты приболел. Имей в виду: в сентябре начнется самая жаркая пора, не за горами День образования КНР... Так что тренируйся усердно. Очень надеюсь вскоре увидеть тебя на большой сцене.

Чжиши выпрямился, чеканя слова:

— Так точно! Я буду стараться изо всех сил!

Время близилось к ужину, и оголодавшая толпа дружно хлынула в сторону столовой.

Пусть бытовые условия в Шахтерском ансамбле песни и пляски Шэньгань оставляли желать лучшего, кормили здесь отменно — поговаривали, что местный паек не уступал рациону уездных партийных чиновников. Чжиши предвкушал этот момент весь день.

Едва переступив порог столовой, он вдохнул густой, дразнящий аромат еды.

Из-за изнуряющей жары повара приготовили охлаждающий сладкий суп из маша. На выбор давали пышные пшеничные пампушки или кукурузные паровые булочки. Из закусок предлагали привычную местную классику: картофельную соломку на пару, острый перец соломкой и острый сушеный тофу.

Чжиши попросил раздатчика налить ему большую миску холодного супа из маша, взял полагавшуюся по норме пшеничную пампушку, щедро начиненную острым сушеным тофу, и устроился в самом тихом, уединенном углу.

Он сделал глубокий глоток ледяного отвара, охлажденного в колодезной воде. Приятная прохлада мгновенно разлилась по телу. Затем откусил пышную булку с начинкой.

Сушеный тофу, пропитавшийся ароматным острым маслом, делал пресное тесто невероятно сочным. Жгучий и пряный вкус приятно покалывал язык, согревая пустой желудок.

Голод, терзавший его с полудня, наконец отступил, и Чжиши стал есть не торопясь, смакуя каждый кусочек.

— Товарищ Сун, разрешите присесть? — раздался над ухом тихий, деликатный голосок.

Чжиши поднял глаза. Перед ним стояла та самая девушка, которая в день отбора пришла вместе с его двоюродным братом Сун Чжиминем.

«Чего ей нужно? Пришла заступаться за брата?»

Вслух он вежливо ответил:

— Конечно, присаживайся.

Хэ Цзяоцзя робко опустилась на скамью напротив. Сделав пару глотков отвара, она все же набралась смелости и тихо произнесла:

— Товарищ Сун... Простите моего двоюродного брата за тот случай во время регистрации. Он повел себя глупо. Пожалуйста, будьте великодушны, не держите на него зла.

«Так они кузены», — мысленно отметил Чжиши. А ведь он сначала подумал, что она тоже из родни семьи Сун. Эта догадка заметно смягчила его настрой.

— Его выходки тебя не касаются, так что извиняться не за что, — мягко ответил он. — Как тебя зовут?

— Меня зовут Хэ Цзяоцзяо. Я из танцевальной труппы.

— Хэ Цзяоцзяо? «Далека звезда Волопаса, ярок свет Луны над Серебряной рекой...» Красивое имя.

Девушка густо покраснела, ее щеки запылали. Образованием она похвастаться не могла, окончила лишь начальную школу, но поняла, что юноша процитировал древние стихи и похвалил ее имя. «А товарищ Сун вовсе не такой заносчивый и грубый, как расписывал брат», — подумала она, порадовавшись, что не стала слушать глупые сплетни Сун Чжимина.

В этот момент к столу подошли Чжоу Хэпин и Пэн Сутао, неся свои подносы. Смутившись, Хэ Цзяоцзяо поспешно попрощалась и вернулась к компании девчат из танцевального класса.

Пэн Сутао проследил за ней взглядом и тут же любопытствовал:

— Эй, это ведь та девчонка, что крутилась возле твоего двоюродного брата? Вы знакомы?

— Нет, — покачал головой Чжиши. — Она просто подошла извиниться за его поведение. Так что инцидент исчерпан.

Ссориться с невинной девушкой из-за глупостей Сун Чжимина он не собирался.

После ужина все дружно разошлись по комнатам — развлечений в эту эпоху практически не

было.

В комнатах не было удобств, а единственная душевая располагалась на первом этаже. Принеся немного теплой воды, Чжиши наскоро обтерся влажным полотенцем и лег в постель.

Завтра предстоял первый день тренировок, поэтому ребята уснули рано, стараясь как следует выспаться.

На следующее утро ровно в полседьмого залиvistый звонок поднял всю казарму на ноги. Летом просыпаться на рассвете было не так уж трудно, но Чжиши с содроганием подумал о зимних холодах, когда в мороз придется вылезать из-под теплого ватного одеяла в неотапливаемой комнате.

Окончательно стряхнув остатки сна, он наспех умылся, переоделся в повседневную форму и вместе с Пэн Сутао и Чжоу Хэпином зашагал в сторону плаца.

<http://bllate.org/book/19670/1986471>